

ЗАМѢТКА О КНИГѢ Г. ШТЕЙНА.

Артуръ Шопенгауеръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Опытъ биографии Владимира Штейна. Томъ первый. С.-Пб. 1887 г.

На судьбѣ сочиненій Шопенгауера у нась въ Россіи можно отмѣтить степень отсталости нашей въ философіи отъ Европы. Шопенгауеръ, начавшій свою дѣятельность и въ существенномъ вполнѣ высказавшійся въ первой четверти нашего вѣка, оставилъ, по разнымъ причинамъ, почти совершенно неизвѣстнымъ цѣлую четверть столѣтія и въ Германіи, его отечествѣ. Но когда разъ, съ конца сороковыхъ годовъ, началась его извѣстность въ Германіи, то, не переставая ни на одно мгновеніе, его слава и значеніе его философіи расширялись съ возрастающею скоростью. Съ пятидесятыхъ годовъ его сочиненія и воззрѣнія дѣлаются предметомъ массы журнальныхъ статей и отдѣльныхъ книгъ; его воззрѣнія подробно разбираются, изслѣдуются, комментируются, оспариваются и отстаиваются. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ начинаетъ образовываться обширная *шопенгауэрская школа*, гдѣ развивается основной принципъ его философіи въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ съ другими философскими принципами. Имена Гартмана, Банзена, Фрауенштедта, Бильгарца, Нуаре и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей означаютъ представителей особыхъ развѣтвлений этой школы. Въ концѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ кромѣ Германіи и другія европейскія страны: Англія,

Франція и даже Италія быстро знакомятся съ философией Шопенгауера и его сочиненіями. Такимъ образомъ, къ восьмидесятымъ годамъ Шопенгауеръ дѣлается въ Европѣ такимъ же общимъ достояніемъ какимъ стали Декартъ, Локкъ, Юмъ, Лейбница и Кантъ.

Что касается до нашего отечества, то и теперь еще Шопенгауеръ не сдѣлался предметомъ, хотя бы поверхностно знакомымъ самому верхнему слою нашей образованной публики. Правда, въ послѣдніи три, четыре года уже появились переводы почти всѣхъ сочиненій Шопенгауера. Но, по крайней мѣрѣ, мы не можемъ еще указать солидныхъ сочиненій или статей, въ которыхъ основательно разрабатывалась и изслѣдовалась бы философія Шопенгауера въ ея цѣломъ, или въ отдѣльныхъ частяхъ. Все, что мы имѣли о Шопенгауерѣ,—это немногія легкія журнальныя статейки и 2, 3 диссертаций на ученыхъ степени въ духовныхъ академіяхъ, заключающія въ себѣ обязательныя для таковыхъ диссертаций разсмотрѣніе и критику этой философской системы съ точки зренія христіанской религіи. Можно ожидать, что совершившійся въ этомъ году столѣтній юбилей рожденія Шопенгауера ознаменуется у насъ появлениемъ болѣе обширныхъ изслѣдованій о философіи какъ спеціально Шопенгауера, такъ и другихъ представителей его школы. По крайней мѣрѣ начало этому положено Московскимъ Психологическимъ Обществомъ, которое уже выпустило, по поводу этого юбилея, книгу, могущую сдѣлать весьма пріятное впечатлѣніе на почитателей Шопенгауера, къ числу которыхъ смѣю причислить и себя¹⁾.

¹⁾ Книжка эта представляетъ I-й выпускъ трудовъ Московскаго Психологического Общества и озаглавлена такъ: „Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія. Съ портретомъ. Москва 1888 г.“ Въ этой книжкѣ заключаются четыре, по моему, хорошо составленныя статьи о Шопенгауерѣ а именно: 1) Біографическій очеркъ В. И. Штейна; 2) О значеніи философіи Шопенгауера, Н. Я. Грота; 3) Нравственное ученіе Шопенгауера, Л. М. Лопатина; 4) Очеркъ теоріи знанія Шопенгауера, В. П. Преображенского. Въ слѣдующей книжкѣ моего сборника я помѣщу рецензію этихъ статей. Цѣна книжкѣ о Шопенгауерѣ 1 р. 50 к.

Но въ ожиданіи критическихъ трудовъ, вполнѣ оцѣнивающихъ значеніе философіи Шопенгауера въ развитіи философской науки, мы неожиданно получаемъ чрезвычайно подробную и обстоятельную біографію философа, предлагаемую намъ г. Штейномъ, т. е., трудъ, который, при болѣе нормальномъ теченіи вещей, могъ бы служить только завершеніемъ цѣлаго ряда критическихъ трудовъ. Появленіе этой біографіи я объясняю случайною симпатіею г. Штейна къ Шопенгауеру и его философіи, симпатіею, проявляющеюся въ цѣлой книжѣ во многихъ отпоменяхъ.

Біографія г. Штейна, которой мы имѣемъ еще только 1-ую половину, представляя чрезвычайно подробное изслѣдованіе о его жизни, можетъ служить въ то же время весьма солиднымъ источникомъ и для знакомства съ содержаніемъ философіи Шопенгауера, и, до извѣстной степени, съ ея значеніемъ.

Рассказывая о различныхъ обстоятельствахъ и эпизодахъ жизни философа, авторъ иллюстрируетъ и объясняетъ ихъ его идеями и воззрѣніями. При этомъ г. Штейнъ слѣдить не только за идеями или теоріями Шопенгауера, находящимися въ его выработанныхъ сочиненіяхъ, но и указываетъ на засады и различные стадіи развитія этихъ идей, разбросанныя въ разныхъ тетрадяхъ и даже на поляхъ книгъ. Такъ, напр., описывая, что во время студенческой жизни Шопенгауеръ относился отрицательно къ корпоративнымъ студенческимъ уставамъ, дуэлямъ и т. п., авторъ сейчасъ же иллюстрируетъ это отношеніе мнѣніями философа, высказанными имъ въ статьѣ: „О рыцарской чести и дуэляхъ“. Или, рассказывая объ удаленіи молодого Шопенгауера отъ общества, отъ внѣшнихъ связей и т. п., авторъ сближаетъ эти явленія съ воззрѣніями философа на мотивы, которые сводятъ людей въ общественной жизни и которые, какъ извѣстно, Шопенгауеръ видѣлъ въ томъ, что люди, имѣя чрезвычайно ограниченные умственные интересы, не могутъ выносить уединенія и ищутъ общества, въ которомъ такъ или иначе удовлетворялись бы разныя влеченія эгоистической воли.

Съ другой стороны г. Штейнъ, описывая различные обстоятельства жизни Шопенгауера, указываетъ на встречи и отношения съ людьми, которые имѣли вліяніе на выработку его теорій, какъ напр., отношение и знакомство съ Гёте повело Шопенгауера къ изслѣдованию теоріи зреція и цвѣтовъ, а это изслѣдованіе играло важную роль въ выработкѣ основныхъ идей его теоріи познанія.

Говоря о времени того или другого сочиненія философа, Штейнъ излагаетъ и главное содержаніе и важнѣйшіе выводы сочиненія. Такъ напр. въ 4-ой главѣ мы имѣемъ полное изложеніе сочиненія: „Миръ, какъ воля и представленіе“. Вообще относительно характера Шопенгауера какъ человѣка и философа, мы имѣемъ въ книгѣ Штейна самое обстоятельное указаніе, какъ на его природныя свойства, такъ и на вліяніе на него людей и обстоятельствъ.

Но, кромѣ изложения тѣхъ обстоятельствъ, которыя касаются Шопенгауера и его жизни, мы находимъ у г. Штейна *попутныя характеристики*, въ томъ или другомъ отношеніи, времени и обстоятельствъ, среди которыхъ жилъ философъ; такъ напр., хороша, по моему, характеристика университетскихъ отношеній и общаго теченія университетской жизни въ связи съ общимъ политическимъ и общественнымъ положеніемъ Пруссіи и Германіи въ то время, когда Шопенгауэръ дѣлалъ попытки къ профессорской дѣятельности (стр. 391 и слѣд.). При этомъ обстоятельно указывается на характеръ академического преподаванія философіи, на стѣсненіе свободы въ ея преподаваніи и на нѣкоторое подчиненіе его теологическимъ цѣлямъ и тенденціямъ. Особенно хорошо очерчено у г. Штейна значеніе Гегеля въ академическомъ преподаваніи, его служеніе правительственнымъ дѣлямъ и особенно планамъ министра Альтенштейна, и объясненіе огромной популярности Гегеля, какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ ихъ, соответственно духомъ времени. Въ связи съ описаніемъ этихъ обстоятельствъ г. Штейнъ ставить вопросъ, могъ ли Шопенгауэръ быть въ то время дѣятелемъ на философской каѳедрѣ Берлинскаго университета. Этотъ вопросъ г. Штейнъ решаетъ такъ, что, хотя по своимъ

воззрѣніямъ на государство и вообще по политическимъ мнѣніямъ, Шопенгауеръ могъ не вооружать противъ себя правительства, но уже значительно расходился съ нимъ въ задачахъ философіи. Для Шопенгауера она должна искать только истину и вполнѣ игнорировать какія либо политическая или религіозная соображенія, между тѣмъ какъ для тогдашняго правительства эти послѣднія стояли на первомъ планѣ. Изъ за религіи же, къ которой Шопенгауеръ относился отрицательно, возможны были и прямые столкновенія съ правительственной властью. Затѣмъ Шопенгауеръ не могъ бы ужиться съ Гегелемъ и гегеліанцами и вообще съ общимъ настроениемъ университетскихъ дѣятелей. Наконецъ, Шопенгауеръ не могъ имѣть успѣха въ университѣтѣ и потому, что не могъ снисходить съ высотъ своего оригинального мышенія и приспособляться къ окружающей рутинной средѣ, подчинившейся духу времени (стр. 416 и слѣд.). Неудача дѣятельно выступить на университетскомъ поприщѣ съ своею философіею, вмѣстѣ съ давно уже волновавшимъ его раздраженіемъ на неизвѣстность и непризнаніе, отразились на Шопенгауерѣ въ его выходкахъ и рѣзкихъ нападкахъ на современную университетскую философію и особенно на Гегеля, котораго онъ осыпаетъ самою безцеремонною бранью въ родѣ: наглый пачкунъ нелѣпостей, воробынья голова, мѣднолобый и т. п. Это воздѣйствіе на Шопенгауера неудачи на поприщѣ преподаванія весьма обстоятельно выяснено г. Штейномъ на стр. 439 и слѣд.

Но кромѣ этой частной неудачи г. Штейнъ весьма хорошо указываетъ на общий характеръ жизненныхъ обстоятельствъ Шопенгауера, по которымъ его вообще можно назвать *неудачникомъ* и которыхъ нарушили гармонію въ его душевномъ настроеніи, каковы напр.: банкротство его должника, разрывъ съ сестрою и съ любимою женщиной, нелѣпый процессъ, въ которомъ Шопенгауеръ былъ жертвой шантажа со стороны наглой и хитрой бабы¹⁾), неудача

¹⁾ Нѣкая старая швея Маркетъ позволяла себѣ нѣсколько разъ безъ всякой надобности входить въ квартиру Шопенгауера и когда онъ,

плана перевести на нѣмецкій языкъ Юма, а на англійскій языкъ Канта.

Хорошо также очерчены г. Штейномъ отношенія Шопенгауера къ женщинамъ, его любовныя похожденія въ Италіи, его предположеніе уже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ вступить въ бракъ по разсудку и, наконецъ, полное и окончательное отреченіе отъ счастія въ любви и семейной жизни, сообразно съ изреченіемъ Петрапки: „кто ищетъ спокойствія, да избѣгаетъ женщины — этого вѣчнаго источника споровъ и треволненій“, и по примѣру другихъ философовъ, Декарта, Лейбница, Спинозы и Канта, также отрекшихся отъ брачной жизни ради философіи и спокойной жизни, необходимой для успешной дѣятельности въ ней.

Вообще наша литература можетъ смѣло поблагодарить г. Штейна за начатый и обстоятельно веденный имъ трудъ, въ которомъ онъ добросовѣстно выполняетъ поставленную имъ себѣ задачу, изслѣдовать какъ и при какихъ условіяхъ слагалась личность философа (стр. 547).

Что касается до нѣкоторыхъ недостатковъ этого труда, то мы находимъ ихъ не важными, такъ, напр., кое гдѣ встрѣчаются иностранные термины, которые могли бы быть удобно замѣнены русскими, напр. *резинніяя* (стр. 307), *аллогизмы* (318). Затѣмъ отыскиванье со стороны г. Штейна вездѣ авторитетовъ, на которые онъ могъ бы сослаться, кажется намъ излишнею роскошью. Такъ, неужели нужно было ссылаться на авторитетъ князя Цертелева

послѣ безусыпныхъ приглашеній не беспокоить его и выйти вонъ, принужденъ быть вынужнутъ ее изъ квартиры силой, то она притворилась разбившееся отъ паденія и тѣмъ лишившееся средствъ къ пропитанію. Возникшій, по жалобѣ Маркетъ, процессъ былъ веденъ почти 4 года въ разныхъ инстанціяхъ и, вслѣдствіе отчасти невниманія къ дѣлу Шопенгауера, отчасти его запальчивости, кончился тѣмъ, что высшій судъ приговорилъ Шопенгауера къ уплатѣ Маркетъ ежегодной пенсіи, которую онъ и долженъ былъ уплачивать въ теченіи 20 лѣтъ, до самой ея смерти.

для опроверженія такого пошляка, какъ докторъ Зейдлицъ, видѣвшій въ Шопенгауеръ психически бол资料ного? Далѣе недостаткомъ въ трудѣ г. Штейна мы находимъ то, что онъ не остановился на несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи Шопенгауера, хотя и имѣлъ къ тому поводъ; напр., при указаніи на немногія стихотворенія Шопенгауера, которыя, замѣтимъ мимоходомъ, хорошо переведены на русскій языкъ самимъ Г. Штейномъ. Кромѣ того, поводъ къ замѣчанію о поэтическомъ дарованіи философа могли дать масса мѣстъ художественного характера и въ его философскихъ сочиненіяхъ и даже сама его система.

Біографія Шопенгауера складена г. Штейномъ на основа-
ні самихъ лучшихъ источниковъ, каковы, напр., біографії Гвін-
нера, Фрауенштедта, Лінднера, Ашера, Фромана и друг.

Закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ г. Штейну счастли-
ваго окончанія и второй половины его труда, причемъ пожелаемъ
ему также избѣжать въ пей той страшной массы опечатокъ, ко-
торыя все таки нѣсколько нарушаютъ спокойное настроеніе чита-
телей.

А. Козловъ.